

**Данное издание оцифровано
в Воронежской областной
универсальной научной библиотеке
им. И.С. Никитина**

394018, г. Воронеж, пл. Ленина, 2 / ул. Орджоникидзе, 36

Понедельник– четверг 9.00-20.00

Суббота, воскресенье 12.00-20.00

Пятница -выходной

<http://vrnlib.ru>
<http://vk.com/vounb>
e-mail: vounb@mail.ru
+7 (473) 255-05-91

ВОРОНЕЖСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

— ЧАСТЬ НЕОФФИЦІАЛЬНАЯ. —

26 ФЕВРАЛЯ.

№ 9

1912 ГОДА.

С Л О В О

въ день исполнившагося трехсотлѣтія мученической кончины Святѣйшаго Всероссійскаго Патріарха Гермогена ¹⁾.

17 февраля 1612 года, ровно 300 лѣтъ тому назадъ, въ Москвѣ мученически скончался великій Святитель и великій печальникъ земли русской, Святѣйшій Всероссійскій Патріархъ Гермогенъ.

По этому случаю сегодня во всѣхъ русскихъ церквахъ молятся объ этомъ Святителѣ.

Возобновимъ-же, братіе, въ своей памяти, хотя кратко, историческія сказанія о приснопамятномъ Святителѣ Гермогенѣ.

Гермогенъ былъ 2-й Всероссійскій Патріархъ. Когда онъ родился, въ точности неизвѣстно. Извѣстно, что онъ

¹⁾ Произнесено въ Благовѣщенскомъ Соборѣ Митрофанова монастыря при Архіерейскомъ служеніи.

имѣлъ родителей благочестивыхъ, которые воспитали его въ страхъ Божіемъ и благочестіи. Любимымъ чтеніемъ Гермогена еще съ дѣтства было Священное Писаніе, святоотеческія творенія и житія святыхъ.

Такое школьное занятіе еще съ дѣтскихъ лѣтъ и воспитало въ Гермогенѣ глубоко вѣрующаго христіанина, крѣпкаго столпа Св. Церкви, сильнаго духомъ чловѣка, пламеннаго патріота, готоваго душу свою положить за свое отечество.

Свое служеніе церкви Божіей Гермогенъ началъ въ городѣ Казани, вскорѣ по присоединеніи ея къ Русскому государству. Сперва онъ служилъ тамъ священникомъ; онъ благоговѣнно проходилъ свое пастырское служеніе и удостоился быть очевидцемъ чудеснаго обрѣтенія явленной Казанской иконы Божіей Матери; онъ описалъ обрѣтеніе этой Святыни и совершавшіяся отъ нея знаменія и чудеса. Въ 1584 году, достигши зрѣлаго возраста, онъ принялъ монашество. Въ санѣ архимандрита былъ настоятелемъ Казанскаго Спасо-Преображенскаго монастыря. Въ 1589 году, когда учреждено въ Россіи патріаршество, архимандритъ Гермогенъ, какъ мужъ высокой христіанской жизни и опытный въ управленіи церковномъ, посвященъ былъ въ санъ Святителя, съ наименованіемъ митрополитомъ Казанскимъ и Астраханскимъ. Въ продолженіи 17-ти лѣтняго служенія своего въ Казани, Святитель Гермогенъ много потрудился для Церкви Божіей и много просвѣтилъ инородцевъ свѣтомъ Христовой вѣры.

Въ 1606 году митрополитъ Гермогенъ возведенъ былъ въ санъ Патріарха. Время его первосвятительства было самое несчастное: въ Россіи вездѣ были смуты и нестроенія; а произошли онѣ оттого, что на царскомъ престолѣ не было законнаго царя. Послѣ смерти царя Θεодора Іоанновича, сына Іоанна Васильевича Грознаго, не осталось наследника

престола. Законный наследникъ, младшій братъ Θεодора Іоанновича, Царевичъ Дмитрій былъ убитъ въ г. Угличѣ, и священный престолъ русскихъ царей занялъ бояринъ, изъ татарскаго рода и тайный убійца царевича Дмитрія, Борисъ Годуновъ. Но кара Божія скоро постигла Годунова: онъ умеръ скоропостижно, и вся его семья была умерщвлена измѣнниками—убійцами. Послѣ Годунова на царскомъ престолѣ появились самозванцы цари Лже Дмитрія: чернецъ Отрепьевъ и такъ называемый „Тушинскій воръ“. Это все были козни поляковъ. Чрезъ этихъ царей—самозванцевъ поляки рассчитывали ополочить Россію и ввести въ православной Россіи католическую вѣру. Но Господь разрушилъ замыслы нашихъ исконныхъ враговъ поляковъ и коварныхъ слугъ папы—іезуитовъ. На патріаршемъ престолѣ въ то время возсѣдалъ Патріархъ Гермогенъ. Онъ, и едва-ли пи онъ одинъ, провидѣлъ козни поляковъ и іезуитовъ и далъ отпоръ имъ: чтобы отклонить самозванцевъ отъ захвата царскаго престола, онъ убѣдилъ многихъ бояръ избрать на царство князя Василія Ивановича Шуйскаго. Но нашлись измѣнники и среди русскихъ людей, и Василій Ивановичъ Шуйскій былъ низложенъ и постриженъ въ монашество.

Не пришлось утвердиться на русскомъ царскомъ престолѣ и самозванцамъ: одинъ изъ нихъ Отрепьевъ былъ убитъ раньше воцаренія князя Шуйскаго, а другой былъ растерзанъ ожесточившимися русскими послѣ низложенія царя Шуйскаго. Потерпѣвъ неудачу въ самозванцахъ, поляки вздумали подчинить себѣ Россію другимъ способомъ: они хотѣли насильно навязать намъ своего королевича Владислава, и съ этой цѣлю нахлынули въ Россію. Трудно было русскимъ бороться съ поляками: у насъ не было ни войска, ни вождя. Многіе города поддались полякамъ и присягнули Владиславу.

Сердце Россіи—Москва была уже въ рукахъ поляковъ.

Къ несчастію Россіи, между передовыми ея людьми боярами не было согласія, и многіе изъ нихъ переходили на сторону поляковъ. Крѣпко стоялъ за Русь святую, не поддаваясь полякамъ, только одинъ Патріархъ Гермогенъ. Онъ разсылалъ грамоты по городамъ, въ которыхъ писалъ объ опасности отъ поляковъ св. вѣрѣ православной и отечеству, и звалъ русскій народъ на защиту отечества.

Русскіе вняли зову Патріарха. Воодушевленные его грамотами, они составили дружины и, подъ предводительствомъ храбрыхъ вождей Прокопія Ляпунова и князя Пожарскаго, двинулись къ Москвѣ.

Испугавшись сильной русской рати, поляки стали принуждать Патріарха, чтобы онъ написалъ грамоту дружинѣ не двигаться къ Москвѣ, угрожая ему въ противномъ случаѣ смертію. Къ требованію поляковъ присоединились и нѣкоторые изъ бояръ. Одинъ изъ нихъ схватилъ ножъ и хотѣлъ пронзить Патріарха; но неустрашимый Гермогенъ, поднявъ св. крестъ, сказалъ измѣннику боярину: „Вотъ знаменіе противъ твоего ножа, да изыдетъ проклятіе на главу твою“. „Что вы мнѣ угрожаете смертію? обратился доблестный защитникъ отечества къ полякамъ и предателямъ боярамъ, я одинаго Бога боюсь. Если вы измѣнники съ литовскими людьми изъ Москвы выйдете вонъ, я не велю дружинѣ идти къ Москвѣ, а будете сидѣть тутъ, я всѣхъ благословлю умереть за православную вѣру“.

Раздраженные поляки и бояре измѣнники схватили Патріарха Гермогена, засадили его въ тѣсное, мрачное и сырое подземелье въ Чудовомъ монастырѣ и стали морить его голодомъ. Доблестный Святитель и изъ подземелья, — чрезъ одного вѣрнаго челоуѣка, пробравшагося къ нему подкупомъ стражи, — написалъ въ послѣдній разъ грамоту къ Нижегородской дружинѣ, благословляя ее ополчиться на за-

щиту отечества, и, вставъ отъ голода и скорбей, 17 февраля 1612 года предалъ душу свою Господу.

Великій Святитель, печальникъ земли русской скончался; но не кончилось его святое дѣло, за которое онъ ратовалъ. Русскіе, воодушевленные его грамотами, храбро ополчились противъ своихъ враговъ—поляковъ и 22 октября 1612 года изгнали ихъ изъ Москвы, и послѣ этого призвали на царство того избранника, на котораго указывалъ имъ до своего заточенія Патріархъ Гермогенъ,—Михаила Феодоровича Романова, родоначальника нынѣ благополучно царствующаго Дома Романовыхъ.

Достойно и праведно въ день трехсотлѣтія кончины великаго Святителя, великаго дѣятеля и подвижника, всѣмъ истинно русскимъ людямъ помолиться объ упокоеніи его въ селеніяхъ праведныхъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ просить и его святыхъ молитвъ, чтобы онъ помянулъ и насъ у Престола Божія: помянулъ весь народъ русскій, который онъ такъ горячо любилъ, помянулъ Церковь Божию, которой онъ такъ вѣрно служилъ, а наипаче помолился-бы предъ Господомъ Богомъ, да избавитъ Онъ, Милосердный, Россію православную отъ всякихъ крамоль, отъ всякихъ смуть и злоключеній!

Братіе! я кончаю свое слово словомъ великаго Святителя Патріарха Гермона, обращеннымъ къ своимъ современникамъ русскимъ людямъ, но предателямъ измѣнникамъ.

„Обращаюсь къ вамъ,—пишетъ въ своей грамотѣ Святитель,—бывшимъ православнымъ христіанамъ всякаго чина и возраста, а теперь не вѣдаемъ какъ и назвать васъ, ибо вы отступили отъ Бога, возненавидѣли правду, отпали отъ соборной и апостольской церкви; вы забыли обѣты православной вѣры нашей, въ которой вы родились, крестились, воспитались, возрасли, преступили крестное цѣлованіе и клятвы—стоять до смерти за домъ Пресвятыя Богородицы

и за государство... Болить моя душа, ноетъ мое сердце... Я плачу и съ рыданіемъ вошію: помилуйте, братія и чада, свои души и своихъ родителей, отошедшихъ и живыхъ; посмотрите, какъ отечество расхищается и разоряется чужими, какому поруганію предаются св. иконы и церкви... На кого вы поднимаете оружіе? Не свое ли отечество разоряете? Заключивъ васъ именемъ Господа Бога, отстаньте отъ своего начитанія, пока есть время, чтобы не погибнуть вамъ до конца". Аминь.

Священникъ *Александръ Кременецкій*.

С Л О В О

на 19 февраля.

Девятнадцатое февраля! Историческій день русской свободы, день, въ который по манію Царя дарована гражданская свобода многомилліонному русскому народу, день, въ который съ высоты Престола раздалось это могучее царское слово: „Осѣни себя крестнымъ знаменіемъ, православный народъ, и призови съ Нами Божіе благословеніе на твой свободный трудъ!“...

Итакъ — свободный трудъ .. съ Божіимъ благословеніемъ, новая работа на новой народной нивѣ... подъ знаменіемъ Креста!...

Великіе завѣты Великаго Царя-Работника, проведеншаго первыя борозды на полѣ новой народной жизни и заложившаго въ нихъ сѣмена чистаго свободнаго труда, какъ залогъ и „блага общественнаго и благополучія домашняго“.

Воспомявая въ нынѣшній день величайшее дѣло Импе-

1) Произнесено въ Блговѣщенскомъ Соборѣ Митрофанова монастыря, при Архіерейскомъ служеніи.

ратора Александра II, возстановимъ въ благодарной памяти нашей великій образъ этого Императора во всемъ блескѣ его дѣланія на широкой нивѣ русской жизни.

Тяжелое время переживала наша Родина въ годъ восшествія Государя Александра II на русскій престолъ. Крымская война—въ самомъ разгарѣ; грозныя тучи со всѣхъ сторонъ покрыли горизонтъ израненной Родины; меркла слава Россіи...

Но вотъ изъ-за мрачныхъ тучъ, послѣ великаго кроваваго дождя, выглянуло новое красное солнце Россіи. Возшелъ на престолъ Государь, изъ всѣхъ прежнихъ нашихъ государей, наиболее тщательно и правильно, основательно и разносторонне образованный, государь тихій, кротко улыбающійся, мирно и мѣрно свѣтящій и грѣющій, именно какъ утреннее солнце. И вспомнимъ—какъ послѣ грозы закипѣла жизнь. Вспомнимъ, какъ онъ началъ мощною, не порывистою, но непреклонно-твердою рукою, необычайно вѣрнымъ и свѣтымъ умомъ, именно какъ свѣтель на нивѣ, въ новое утро русской жизни, въ утро новаго тысячелѣтія русской исторіи, сыпать сѣмена своихъ благотвореній по всему лицу русской земли. Вспомнимъ, что Богъ даровалъ ему необычайные несравненные успѣхи и въ расширеніи самой нивы Россіи, нивы, на которой теперь насаждается русское вліяніе,— успѣхи, по которымъ можетъ съ нимъ сравняться, но не превзойти, развѣ только царь Иванъ Васильевичъ Грозный, покоритель Казани, Астрахани, Сибири. Вспомнимъ покореніе Кавказа, завоеваніе Карса съ Батумомъ; покореніе Бухары, Самарканды и Ташкента, Туркестана и Хивы, свободное подчиненіе Кульджи и взятіе обширнѣйшихъ земель у Китая. Вспомнимъ окончательное государственное присоединеніе Польши, покореніе Турціи до Царя-града... Вспомнимъ преобразование вѣйска, уничтоженіе жестокостей въ его образованіи, уравниеніе сословной воинской повин-

ности—единственное условіе, при которомъ Россія можетъ не страшиться всесвѣтнаго гула вражды закованной въ желѣзо Европы противъ нашей силы. Вспомнимъ учрежденіе гласнаго судопроизводства, по формамъ упрощеннымъ, ускореннымъ, извѣданнымъ на опытѣ образованпѣйшихъ народовъ, приближеннымъ по идеѣ къ идеалу человѣческаго правосудія. Вспомнимъ преобразование высшей школы для высшаго образованія,—преобразование, которое заставляетъ быть дѣйствительно образованнымъ всякаго, кто только хочетъ носить имя образованнаго; вспомнимъ распространеніе народныхъ училищъ по всѣмъ весямъ русской земли.

Да и не достанетъ ли времени повѣстующу о всѣхъ благихъ дѣлахъ и начинаніяхъ величайшаго изъ царствованій: о совершенномъ почти устраненіи тѣлесныхъ и смягченіе всѣхъ прочихъ наказаній, о небываломъ развитіи торговли и торговыхъ предиріятій, объ организаціи русскаго земства и городовомъ положеніи, о варшавскомъ и сибирскомъ университетехъ, объ опоясаніи всей Россіи желѣзными путями и телеграфами, о желѣзномъ и вольномъ флотахъ, о неисчислимыхъ благотворительныхъ и воспитательныхъ учрежденіяхъ, которыя получили свое бытіе въ царствованіе Александра II.

Вотъ истинно благотворное и святое сѣмя, которое, на громадной русской землѣ, въ исполинскихъ размѣрахъ, неустанно сѣялъ величайшій изъ когда-либо посланныхъ Богомъ на землю святелей, всероссійскій Императоръ Александръ II—Освободитель...

Преклонись же, православный русскій народъ, предъ памятью великаго Русскаго Императора, за великіе труды свои на нивѣ народной пріавшаго... немеркнущій вѣнецъ мученичества.

Съ чувствомъ молитвеннаго благоговѣйнаго преклоненія предъ несповѣдимыми путями Промысла Божія, вынуждены

мы, бр , вспомнить здѣсь и о другихъ сѣятеляхъ на нивѣ, обогрѣнной кровью Царя Мученика.

Въ то время, какъ щедрой рукой сѣяль сѣмя свое Благочестивѣйшій Государь, не дремалъ и врагъ всякаго добра: „ночью“, „намъ спящимъ“, онъ также взошелъ на ниву народную и, пожалуй, болѣе щедрой рукой сталъ сѣять на ней „плевелы“... И по волѣ Божіей стали плевелы расти купно съ пшеницей и—не успѣла еще пшеница принести плодовъ своихъ, какъ плевелы стали заглушать ее, глубоко пустивъ корни свои на нивѣ народной. Не успѣла еще матушка Русь насладиться благами великой реформы, какъ громадной волной хлынуло въ нее все, что въ Западной Европѣ человѣческой умъ выработалъ анти-христіанскаго, анти-государственнаго, общественно-разрушительнаго: провозглашено было разрушеніе всего святаго, всего отце-преданнаго, всякаго существующаго порядка, не только церковнаго, но и государственнаго и семейнаго...

И покатилаь эта волна всеобщаго отрицанія по лицу земли родной, залила на своемъ грозномъ пути всѣ устои русской жизни и отпрянула назадъ лишь 1 марта 1881 года, но отпрянула лишь затѣмъ, чтобы снова, чрезъ малое время залить русскую землю грознымъ потокомъ разрушенія... и докатилась до насъ и дала намъ страшный 1905 годъ съ цѣлымъ рядомъ его страшныхъ „свободъ“...

Не намъ и не здѣсь говорить объ этихъ свободахъ, начертанныхъ на знамени такъ называемаго „прогресса“, но наша обязанность, нашъ долгъ, какъ служителей Божественнаго Слова, всегда и вездѣ не удерживать своего слова о томъ опасномъ ядѣ, который такъ искусно скрытъ въ той „свободѣ“, которая ставится обычно въ главѣ другихъ „свободъ“. Мы говоримъ о такъ называемой „свободѣ совѣсти“.

Что обыкновенно разумѣется подъ этой пресловутой свободой совѣсти? Обычно вопросъ о свободѣ совѣсти сво-

дится къ одному общему положенію: всякій имѣетъ свою совѣсть, а потому во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ долженъ быть предоставленъ самому себѣ, лишь бы его дѣйствія не нарушали свободы другихъ и общественнаго порядка и безопасности.

Правда, бр., совѣсть есть священная и неприкосновенная принадлежность человѣка, какъ существа нравственно-разумнаго; она есть главный внутренній руководитель его въ стремленіи къ усовершенствованію по пути истины и правды и принудить людей дѣйствовать противъ совѣсти, — это значитъ лишить ихъ внутренняго свѣта и силы, нравственно исказить и развратить ихъ. И въ общемъ смыслѣ это, конечно, справедливо.

Но не къ такому заключенію приходимъ мы при тщательномъ наблюденіи надъ человѣкомъ въ опытахъ дѣйствительной жизни.

Почему такъ? А потому, что совѣсть человѣческая не есть что-нибудь неизмѣняемое, общеодинаковое для всѣхъ людей; совѣсть есть внутренній законъ нашей души, но законъ, получающій свою силу отъ той или иной дѣятельности различныхъ душевныхъ способностей человѣка, а потому законъ не обще-постоянный и устойчивый, а колеблющійся, законъ, который въ каждомъ отдѣльномъ человѣкѣ можетъ затемняться и извращаться. Никто такъ хорошо не знаетъ болѣзненныхъ состояній человѣческой совѣсти, какъ св. церковь. По ея указаніямъ, болѣе чѣмъ по всякимъ психологическимъ изслѣдованіямъ, мы знаемъ, что есть совѣсть грубая, не чувствительная къ внутреннимъ страданіямъ духа, есть совѣсть безпечная и нерадивая, есть совѣсть лукавая и сожженная.

Если же Словомъ Божиимъ дается такое опредѣленіе понятію совѣсти, то о какой же свободѣ ея можно говорить намъ, христіанамъ?

Различны пониманія этой свободы. Истинное понятіе о свободѣ далъ Христосъ Спаситель, сказавшій увѣровавшимъ въ Него: „если пребудете въ словѣ Моемъ, то вы истинно Мои ученики, и познаете истину, и истина сдѣлаетъ насъ свободными“ (Іоан. VIII, 31. 32). Вотъ гдѣ основа свободы. А мы, бр., подѣ вліяніемъ ложныхъ понятій о свободѣ совѣсти, пришли къ странному, не виданному въ исторіи, состоянію умственному и нравственному. Мы вообразили, что какъ мы сами, такъ и другіе, вольны думать и дѣлать, что хотимъ, вѣровать и не вѣровать, признавать надъ собою обязательную силу нравственнаго закона и не признавать, соблюдать вѣками установленныя правила благоповеденія и не соблюдать. Наша терпимость дошла даже до того, что мы и людей безъ всякой вѣры почитаемъ просвѣщенными людьми; думаемъ, что и безъ мысли о Богѣ, Виновникъ и Охранитель закона совѣсти, можетъ быть у человѣка добрая совѣсть; что ее могутъ замѣнить какія-нибудь научныя системы и познанія. Мы дошли, осмѣливаемся сказать, до несообразности, полагая, что нравственный порядокъ можетъ устоять, когда каждый безнаказанно будетъ нарушать нравственный законъ...

И вотъ результатъ такой терпимости: воинствующій католицизмъ перенесъ свою пропаганду въ самую середину Россіи; воспрянуло старообрядчество; умножаются всевозможныя секты; гордо поднялъ свою голову баптизмъ; пришло въ движеніе магометанство; идетъ разрушительная работа невѣрія, подрываются въ конецъ устои русскаго народа... Но этого еще мало. Врагъ продолжаетъ сѣять все новыя и новыя плевелы на нивѣ Божіей. Мы, бр., переживаемъ опасный моментъ нашей исторіи. Мы являемся свидѣтелями новаго ученія, по которому „религіозныя вѣрованія относятся къ сферѣ частной, интимной жизни гражданъ“, по которому „государству нѣтъ дѣла до религіозныхъ воззрѣній своихъ подданныхъ“ (Церк. Вѣд.).

Православные! Наша православная русская церковь, вспоившая и вскормившая наших предковъ въ тысячелѣтній періодъ своей исторіи, въ настоящее время находится въ положеніи враждебныхъ и дерзкихъ на нее нападеній: святыня земли русской, составляющая высшую цѣнность для государства, требуетъ обереженія и защиты...

Гдѣ же искать намъ защиты?

На этотъ вопросъ—вотъ богооткровенный отвѣтъ истины, отвѣтъ св. ап. Павла:

„Молимъ васъ, братія, не спѣшить колебаться умомъ, будто уже наступаетъ (последній) день Христовъ. День тотъ не придетъ, пока не придетъ прежде отступленіе, и не откроется (антихристъ) человекъ грѣха, сынъ погибели, противникъ, превозносящійся выше всего, называемаго Богомъ или святынею, такъ что сядетъ онъ во храмъ Божіемъ, какъ какъ богъ, выдавая себя за бога.

Вы знаете, что нынѣ не допускаетъ открыться ему. Тайна беззаконія уже дѣется, только не совершится до тѣхъ поръ, пока не будетъ взятъ отъ среды удерживающей теперь. И тогда откроется беззаконникъ антихристъ, котораго Господь Иисусъ убьетъ духомъ устъ своихъ и истребитъ явленіемъ пришествія Своего“. (2 Сол. II, 1—7).

Итакъ—тайна беззаконія дѣется, но окончательно не откроется, пока не будетъ взятъ отъ среды удерживающей теперь. Кто же этотъ удерживающій? Это и есть христіанскій монархъ. Таково толкованіе древнихъ отцовъ и учителей церкви. Монархическое начало возвеличило и утвердило церковь и вѣру Христову; въ свою очередь вѣра и церковь освящаютъ и укрѣпляютъ въ вѣрѣ народа начало власти самодержца, приѣмлющаго свое верховное право отъ Царя царей, Божіею милостію. Христіанство срослось съ единоподержавіемъ, и единоподержавіе, по откровенію, есть то удерживающее, то охранительное орудіе Промысла, которое

препятствуетъ до уреченнаго времени окончательно воцариться въ міръ духу антихриста. Монархія — узелъ историческаго порядка христіанскихъ обществъ. Оттого то духъ антихриста и бьетъ въ этотъ узелъ. Если бы онъ рассыпался, рассыплется многое...

Отъ чего избави насъ Боже! Аминь.

Богоявленской г. Воронежа церкви священ. *Евг. Дольскій.*

Святѣйшій патріархъ Гермогенъ и служеніе его церкви и отечеству въ смутное время (1612—1612 г.).

Въ исторіи русскаго народа едвали найдется болѣе печальное и болѣе несчастное время, чѣмъ Московская смута. Ни удѣльныя междоусобія, ни татарское иго, ни нашествіе Чингизъ-хана новѣйшаго времени, обрушившаго на Россію „двадцать языкъ“, — ничто не причинило Московскому государству такихъ бѣдствій, не грозило ему такой опасностью, какъ событіе первыхъ лѣтъ XVII вѣка. Помимо нашествія непріятелей, подвергшихъ необыкновенному разоренію русскіе предѣлы, въ самомъ народѣ обнаружались такія нестроенія, между общественными классами появилась такая рознь и вражда, что послѣднія принесли вредъ государству въ гораздо большей степени, чѣмъ самыя опустошенія враговъ. Можно даже сказать, что не будь этой внутренней крамолы, московское царство никогда не испытало бы того великаго потрясенія, которое выпало на его долю и которое оставило послѣ себя глубокой слѣдъ на всемъ общественномъ организмѣ.

Вслѣдствіе особаго порядка, какимъ сложилось московское царство, народное сознаніе видѣло въ государяхъ его единственно законныхъ владѣтелей. Въ самомъ концѣ XVI в., со смертію царя Федора Иоанновича, этихъ владѣтелей не стало, родъ ихъ прекратился, и это-то событіе нарушило

государственное равновѣсіе, которое поддерживалось въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ ихъ сильною рукой. Пока народъ вступалъ въ свои державныя права надъ доставшимся ему наслѣдствомъ, разные честолюбцы, свои и иноземные, протягивали нечистыя, порою даже обогранныя царственной кровію, руки, чтобы овладѣть единственной въ своемъ родѣ московской короной. Нѣкоторымъ счастливымъ, хотя и на мигъ, удавалось украсить ея, но „шапка Мономаха“ оказывалась настолько „тяжелой“, что подъ непосильною тяжестью они быстро изнемогали и гибли. Народъ видѣлъ въ нихъ узурпаторовъ непринадлежащаго имъ достоинства и потому не допускалъ глумиться надъ тѣмъ, что было происхожденія Божественнаго, такъ какъ онъ успѣлъ уже проникнуться на царскую власть взглядами московскихъ самодержцевъ. Но не всѣ однако смотрѣли на авантюристовъ такими глазами. Многіе, руководясь личными ими сословными выгодами, принимали ихъ сторону, проникались ихъ интересами, забывая при этомъ благо отечества и вѣру православную. „Не токмо едина мелчайшіи воины, но и отъ синклитска суще чина, мнози сановницы, — говоритъ современникъ, — къ противникамъ въ станы, прельстившеся прелестію, и прочая соблажняюще, преѣзжаху“¹⁾. Онъ же продолжаетъ: „богоборные возстали на свою вѣру, забыли благочестіе, помышляя „разбити, яко скуделю, домъ Божіей Матери“²⁾. Какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, страсти разгорались, братоубійственная вражда доходила до неимовѣрныхъ размѣровъ, выражаясь въ страшныхъ безпощадныхъ жестокостяхъ, осуждаемыхъ даже врагами. Послѣдніе „почитали русскихъ люте самыхъ плотоядныхъ звѣрей“³⁾.

¹⁾ *«Временникъ дѣла Іоанна Тимофеева»* въ Рус. Истор. Библ. т. XIII, столб. 413.

²⁾ Тамъ же, столб. 414.

³⁾ Тамъ же, столб. 416.

Поляки же и Литва, говоритъ лѣтописецъ, видя „злос мучительство отъ своихъ своимъ“, „содрогахуса сердца своими и злѣйшіи бѣсовъ таковѣхъ наричюще“¹⁾.

Обостренность отношеній во время партійной борьбы—явленіе обыкновенное и вполне естественное, и чѣмъ сильнѣе борьба, тѣмъ напряженнѣе бываютъ страсти. Но и помимо политики въ тогдашней московской жизни трудно указать точку, на которой бы, какъ въ фокусѣ, сходились интересы ея, трудно отыскать идеалы, которыми руководился бы и къ которымъ стремился бы московскій человекъ. Даже національные и религіозные мотивы, исконные свѣтоочи и предметъ всегдашней гордости русскаго народа, въ это время какъ-то затуманились и покрылись довольно густымъ налетомъ безразличія не только въ средѣ мало сознававшей ихъ смыслъ и сущность, но и въ боярствѣ и—что опаснѣе всего—въ самомъ духовенствѣ. Мы имѣемъ прямое свидѣтельство въ рѣзкомъ отзывѣ современника о носителяхъ епископской благодати, какъ о главныхъ виновникахъ московскаго разоренія.—„Если бы,—говоритъ онъ,—такихъ великихъ, крѣпкихъ и непоколебимыхъ столповъ (какъ и. Гермогенъ) было побольше, тогда бы и нещорочная вѣра наша не пала“. „А нынѣ (патріархъ) единъ уединенъ стоитъ“; ни въ словѣ, ни въ дѣлѣ, кромѣ Бога и пречистыя Его Матери и великихъ чудотворцевъ способниковъ себѣ не имѣетъ“. А тѣ, которые „той же санъ на себѣ имѣютъ, и тѣ славою міра сего прелестною прельстился просто, рещи, *подавилися*, и къ тѣмъ врагомъ приклонилися и творять ихъ волю“²⁾. И вотъ упрекъ, брошенный въ лицо представителямъ Церкви и только отчасти смягчаемый единичными подвигами нѣ-

¹⁾ „Сказаніе Авраамія Палицына“ въ Рус. Историч. Библ., т. XIII, столп 503.

²⁾ „Новая повесть о преславномъ російскомъ царствѣ“. Рус. Ист. Библ., т. XIII, столб. 208.

которыхъ іерарховъ, высоко державшихъ знамя своего святительства, былъ не безоснователенъ. Не одинъ былъ только грекъ Игнатій, не устоявшій предъ соблазномъ сдѣлаться патріархомъ хотя бы и у самозваннаго царя. Безпристрастная исторія отмѣчаетъ подобнаго рода поступокъ и со стороны ростовскаго митрополита Филарета, не стѣснявшагося, подъ покровомъ Тушинскаго Вора, именоваться „нареченнымъ патріархомъ“ и находившаго себѣ повиненіе у утратившихъ въ такой же мѣрѣ чувство законности іерарховъ, въ то время, когда въ Москвѣ на патріаршемъ престолѣ сидѣлъ „адамантъ“, „исполинъ мужъ“, „преславный“ Гермогенъ! ¹⁾ А старинный крамольникъ Новгородъ, задумавъ отдѣлиться отъ Москвы, благословился у своего митрополита Исидора избрать себѣ царя. Этотъ же святитель послалъ двѣ грамоты въ Нижній Новгородъ, убѣждая и его признать шведскаго королевича своимъ государемъ ²⁾, и это въ тотъ моментъ, когда рати Пожарскаго и Минина шли въ Москву выбивать поляковъ и „обирать“ на царство Михаила Ѳеодоровича... Въ августѣ 1611 года „адамантоваго“ патріарха заточили, предварительно „обнаживъ его изъ святительскаго сана“; сдѣлалъ же это „священный соборъ“, который въ Москвѣ засѣдалъ во главѣ съ „архіепископомъ Архангельскимъ Арсеніемъ“ и дѣйствовалъ заодно съ „предателями христіанскими Михайлой Салтыковымъ да торговымъ мужикомъ Ѳедькой Андроновымъ“. Изъ кого состоялъ „соборъ“ — можно только гадать ³⁾, но глава его достаточно извѣстенъ: это былъ когда-то архіепископъ елассонскій, слѣдовательно — грекъ, числившійся на тверской каедрѣ, проживавшій же почему-то при московскомъ Архан-

1) Очерки по исторіи Смуты, проф. Платонова, стр. 318, 320.

2) Собран. Госуд. Грам. и Догов., т. II, №№ 278, 279.

3) Въ него, вѣроятно, входили владыки: Сильвестръ вологодскій, Кириллъ ростовскій, Ѳеодоритъ рязанскій, Пафнутій крутицкій и нѣкоторые архимандриты московскихъ монастырей, какъ, напр., Андроніевскій Авраамій, Новоспас. Сергій и др. Ср. *Повѣсть кн. И. Хворостинина*, столб. 536.

гельскомъ соборѣ, отчего и назывался „архангельскимъ“¹⁾. Но вотъ какими чертами описываются правившіе тогда государствомъ бояре. „Наши земледѣльцы и правители, пынѣ же—землесѣдцы и кривители, яко ослѣпоша или онѣмоща.. умъ свой на послѣднее безуміе отдали и ко врагомъ пристали“. „Хуже же всего—всѣхъ насъ выдали и вмѣстѣ съ врагами вооружились, хотятъ всѣхъ насъ погубить и вѣру христіанскую искоренить“. Враги „многихъ маловременнымъ богатствомъ и славою прельстили, а иныхъ закоренили“²⁾. Государствомъ сталъ править послѣ низложенія царя Василія собственно одинъ Ѳеодоръ Андроновъ, за которымъ рабски слѣдовали бояре. „Такимъ именитымъ государствомъ владѣетъ, аки великимъ моремъ колеблетъ: что хоцетъ, то творитъ, а никто ему не возбраняетъ“³⁾. Если къ этому прибавить еще глубокой упадокъ религіозности, основъ нравственности, общественныхъ добродѣтелей въ народной массѣ вообще, звѣрства и гнуснѣйшіе поступки одичавшихъ поляковъ и литовцевъ, захватившихъ почти всю землю русскую и растлѣвавшихъ народъ⁴⁾, то вотъ та среда, въ которой приходилось жить и дѣйствовать великому патріарху.

Время не сохранило свѣдѣній ни о томъ, гдѣ родился,

¹⁾ П. С. Т. Г. и Д., ч. II, № 273. См. еще *Histor. Dmytra Patszyw.*, Рус. Ист. Библ., т. I, столб. 115—116.

²⁾ «Новая лѣтопись», столб. 208—9.

³⁾ Тамъ же столб. 214.

⁴⁾ Извѣстный А. Палицынъ пишетъ, что поляки забирали въ плѣнъ русскихъ женщинъ и потомъ отпускали ихъ за большой выкупъ. Но «мнзи жены и дѣвицы по сочетаніи сквернѣмъ съ беззаконники не хотяще равлучитися, мнзи же по искупленіи пакы къ нимъ отбѣгаху; инзи же на мужи своя смерти поучевахуса и во испрошеніи на искупъ кряхуса, и повѣщающесе на выи тѣмъ беззаконникомъ, аѣ гласы виждюще, и благодѣтели и свѣты тѣхъ наричюще, и охъ, охъ! безъ ума припѣвающе» ит. д. (Сказаніе Авр. Палицына, стлб. 504—505). О возмутительныхъ и животныхъ поступкахъ поляковъ говоритъ тотъ же Палицынъ: столб. 514, 515, 516 и др., а такъ же „Новая Повѣсть“, столб. 201, „Плачь о плѣнени“, столб. 232—233, *Повѣсть о тѣкой брани*, столб. 253 и др.

ни о томъ, какъ воспитался Гермогенъ. Впослѣдствіи же легенда связывала происхожденіе его—и съ одинаковымъ основаніемъ—то съ простыми крестьянскими низами, то съ чертогами князей Голицыныхъ ¹⁾. Но едвали родственныя связи имѣли какое—либо вліяніе на образованіе его идей. Онъ отличался такой возвышенностью въ сравненіи съ тогдашнимъ московскимъ міровоззрѣніемъ, что даютъ возможность видѣть въ нихъ скорѣе результатъ усердныхъ занятій Гермогена Словомъ Божиимъ и твореніями о.о. Церкви, чѣмъ какой-либо другой источникъ. Въ этомъ убѣждаютъ насъ и нѣкоторые памятники. „Бысть же словесенъ мужъ и хитро-рѣчивъ... о Божественныхъ же словесѣхъ присно упразняшоя и вся книги Ветхаго Закона и новыя благодати, и уставы церковныя, и правила законныя извыче до конца“ ²⁾. Такъ говоритъ *«Иное сказаніе»*; близкій же къ патріарху человекъ, князь И. А. Хворостининъ къ этому добавляетъ еще, что онъ „бѣ ученикъ и книжному любомудрію искусенъ, каноны и житія святыхъ написа“ ³⁾. Такимъ образомъ вотъ откуда должно было получиться содержаніе духовнаго міра Гермогена, вотъ источникъ величія его души. И только единственно этимъ можно объяснить его изумительно крѣпкую вѣру въ Правду Божию, всегда пламенѣющую любовь къ своему родному народу, до смерти стояніе за вѣру православную и непоколебимое убѣжденіе въ своей правотѣ при отстаиваніи высшихъ интересовъ, служеніе которымъ началось прежде, чѣмъ Гермогенъ сталъ патріархомъ. Сдѣлавшись главою церкви, а потомъ и государства, Гермогенъ теперь обнаруживаетъ только всю силу своихъ необыкновенныхъ дарованій, всю мощь непобѣдимаго характера и непоколеби-

¹⁾ Смутное время. Рус. Арх., 1892, кв. I, стр. 15, примѣчаніе подъ звѣздочкой.

²⁾ „Иное сказаніе“, столб. 124.

³⁾ „Повѣсть кн. И. А. Хворостинина“, столб. 551.

мой воли, но онъ дажъ почувствовать, какъ понимаетъ свои обязанности пастыря, еще въ то время, когда былъ казанскимъ митрополитомъ. Среди всеобщей лести и поклоненія тому, кто завѣдомо былъ не тѣмъ, за кого онъ выдавалъ себя, голосъ Гермогена долженъ былъ прозвучать глубокимъ укоромъ усыпленной совѣсти собратій, забывшихъ Царя небеснаго, ради царя самозваннаго, и послѣднему показать, что еще жива правда и живъ Богъ въ землѣ русской, есть и нелицемѣрные служители его. Ссылка и заточеніе Гермогена Лжедимитріемъ, подумавшимъ, что онъ тѣмъ усмирилъ суроваго святителя, смутившаго его брачное торжество, показываетъ лишь нецониманіе съ его стороны такого рода людей. Это типъ Василіевъ и Аѳанасіевъ великихъ, которыхъ можно сокрушить, но не принизить, идеи которыхъ живутъ и послѣ ихъ смерти, а дѣла становятся достояніемъ потомства ¹⁾.

Но „дѣла“ Гермогена только начинались. Одинъ годъ прошелъ со времени его заточенія, какъ волна новаго государственнаго переворота вознесла его на самую вершину іерархической лѣстницы, и тотъ, кто вчера томился въ заключеніи и кому угрожала смерть, теперь украсился вѣнцомъ первосвященника. Подобная же участь ожидала и князя Василя Шуйскаго. Въ народномъ представленіи оба они окружены были ореоломъ героевъ—страдальцевъ, неустрашимо возставшихъ противъ узурпатора и низложившихъ его; естественно поэтому было и вознаградить ихъ достойно ихъ подвига, и вотъ—одинъ царь, а другой патріархъ. Но политическая необходимость въ лицѣ ихъ столкнула два совершенно различныхъ міра и два противоположныхъ характера. Насколько царь Василій обладалъ гибкою совѣстью и изворотливостью, будучи человекомъ минуты, настолько па-

¹⁾ Повѣсть кн. И. М. К.—Ростовскаго, столб. 655—656. Повѣсти кн. С. И. Шаховскаго, столб. 865.

тріархъ Гермогенъ былъ непоколебимъ въ своихъ намѣреніяхъ и неуклонно шелъ къ разъ намѣченной цѣли; въ то время, какъ у одного всѣ импульсы и побужденія получались совнѣ, другой не слушалъ иного голоса, кромѣ голоса своей совѣсти, проникнутой вѣрой въ Божественный Промысль. Отсюда, конечно, то отчужденіе къ Шуйскому, какъ къ царю и человѣку, которое было у патріарха и которое одинъ источникъ приписываетъ постороннимъ навѣтамъ. „Нѣціи зміеобразные мужи, иже лестъ сшивающе, казньми соплетоша, иже о Василіи цари злорѣчествомъ навадиша мятежницы словеса лестными. Онъ же (патріархъ) имъ всѣмъ вѣруеть, и сего ради къ царю Василию строптивно, а не благолѣпно бесѣдоваше всегда... яко же лѣво бѣ, никако же отчелюбно совѣщевающе со царемъ. Мятежницы же во время свое преже царскій вѣнецъ низложиша, потомъ же и святительскую красоту поруганіемъ обезчестиша. Егда бо по Василіи царѣ пріаша Москву супостатніи руцѣ, тогда убо онъ по народѣ пастыря непреборима показати себе хотише: но уже времени и часу ушедшу“... ¹⁾). На этомъ свидѣтельствѣ приходится остановиться, потому что ему даютъ вѣру и нѣкоторые изслѣдователи ²⁾, почитая отношеніе патріарха къ царю дѣйствительно предосудительнымъ, а его самого—невыносимымъ. Однако оно, исходя отъ лица, повидимому близко стоящаго къ царю, противорѣчитъ всѣмъ имѣющимся показаніямъ современниковъ, согласнымъ хоромъ прославляющихъ доблестнаго пастыря. На самомъ же дѣлѣ то, что неизвѣстный авторъ приписываетъ послѣднему, было обыкновеніемъ Шуйскаго. „Сей убо... царь нашъ невѣрствіемъ... объять бысть и въ буйство приложися, ложная шептанія во уши своя отъ неискусныхъ пріемля. Никакоже о сихъ не преста, внимающе духовомъ лестьчимъ и ученіемъ

¹⁾ *Иное сказаніе*, стлб. 125.

²⁾ *Платонова*, Очерки по исторіи смуты, стр. 421.

бѣсовскимъ входящихъ къ нему, и во истину вмѣняше“.... Патриархъ же, „видѣ царя малодушествующа, многа пользова его отъ своего искусства и не возможе...“¹⁾ И слова эти можно принять безъ колебаній въ справедливости ихъ, такъ какъ они не только не расходятся съ общей характеристикой Шуйскаго, но и подтверждаются всѣми послѣдующими дѣйствіями какъ его самаго, такъ и патриарха. Не входя въ подробности, достаточно остановиться на такихъ фактахъ, которые съ очевидностью говорятъ объ отношеніяхъ патриарха къ царю.

Спустя два мѣсяца по воцареніи Василя въ сѣверной Украинѣ разнесся слухъ, что Дмитрій (Самозванецъ) живъ и находится въ Польшѣ. Этотъ слухъ взволновалъ снова всѣ южно-русскіе города, которые и возстали противъ Шуйскаго. Что же дѣлаетъ Гермогенъ?—Онъ, не колеблясь, выступаетъ на защиту законнаго царя, пославъ къ возставшимъ крутицкаго митрополита Пафнутія, и если эта миссія не имѣла успѣха, то вина въ томъ не патриарха. Возставшіе выставили одного проходимца-холопа, который, дѣйствуя въ имя спасшагося будто бы Лжедмитрія, дошелъ до Москвы и осадилъ ее. Тогда Гермогенъ, для изобличенія лжи возставшихъ, разослалъ по всему государству грамоты, въ которыхъ извѣщаль о гибели Самозванца, о перенесеніи въ Москву мощей истиннаго царевича Дмитрія, приказывая духовенству читать ихъ народу и молиться за здравіе царя. Для того, чтобы подѣйствовать на религіозно-нравственное чувство народа, патриархъ, вслѣдствіе особаго видѣнія, бывшаго „нѣкоему грѣшному“, устроилъ публичное покаяніе въ Москвѣ и „заповѣдалъ“ строгій трехдневный постъ. „И хождаху по церквамъ Божиимъ, молбы и моленія дѣюще съ плачемъ и рыданіемъ“²⁾. Неунимавшихся же возставшихъ

¹⁾ *Повѣсть кн. И. А. Хворостинина*, стлб. 244—5.

²⁾ *Иное сказаніе*, стлб. 101—106.

патріархъ предалъ проклятiю. Холопъ-бунтовщикъ былъ уничтоженъ, но вмѣсто его явился второй Лжедимитрій, т. н. *Тушинскій Воръ*, крѣпко засѣвшій около Москвы и сильно стѣснившій царя. Шуйскій палъ духомъ, патріархъ же, съ свойственной ему твердостію, ободрялъ его и побудилъ вооружиться противъ Самозванца. Но у царя не было силы справиться ни съ нимъ, ни съ напавшими на московское царство поляками. Кромѣ того начались междоусобія среди самихъ русскихъ. Тогда „крамольники народу и мятежницы тишинѣ обвинили во всемъ царя Василія, говоря: „нынѣ его ради кровь проливается многая, потому что онъ человекъ глупъ и нечестивъ, пьяница и..., и всячествованіемъ неистовенъ, и царствованія недостойнъ“¹⁾. Вбѣжавши же въ соборную церковь, они схватили патріарха и повели его на лобное мѣсто „да соизволить волѣ ихъ“. Онъ же не только не присталъ къ нимъ, но увѣщевалъ ихъ не начинать „таковаго беззаконія“. „Царь нашъ благъ и кротокъ и милостивъ... А еже вы глаголете, яко его ради нещастія все зло чинится, и сіе зло не его ради творится, во вашего ради нестроенія и междоусобія... аще ли же мене не послушаете... клятву отъ насъ имате носити, и се рекши, возвратися отъ нихъ вспять“²⁾. Не встрѣтивъ ни въ комъ себѣ поддержки, мятежники скрылись въ тушинскомъ станѣ, и царь остался на царствѣ. Однако неудавшійся мятежъ теперь увѣнчался успѣхомъ вскорѣ потомъ. Недовольные царемъ, во главѣ съ рязанскимъ воеводою Прокопіемъ Ляпуновымъ, снова явились на лобное мѣсто и стали „вопити, чтобъ царя Василія царства лишити“ „и взяша силою патріарха Гермогена“. „Патріархъ, зрящи народъ возмущенный, плакашеса зѣло, и, елико можаше, съ моленіемъ увѣщаваше ихъ, да престануть отъ таковаго начинанія“. Усилія его

¹⁾ Тамъ же, столб. 120.

²⁾ *Новый летописецъ*, Чт. Общ. И. и Др., 1853 (Времен.), стр. 101.

спасѣти царя были однако напрасны. Тогда „патріархъ не ста дожидатись, что начнутъ творити, но отыде во градъ плачущесѣ“¹⁾. „Сотворилось“ же слѣдующее. Мятежники, взявъ изъ Чудова монастыря священниковъ и діаконовъ, ворвались во дворецъ и постригли царя въ монашество; а одинъ изъ крамольниковъ говорилъ за него обѣты. Патріархъ не могъ отнестись къ этому иначе, какъ съ строгимъ порицаніемъ и продолжалъ попрежнему почитать Василія царемъ. Но фактъ оставался фактомъ. Шуйскій былъ заточенъ въ монастырь, во главѣ государства стали самочинные бояре. „Москву захватили поляки.

Наступилъ послѣдній, самый тяжелый періодъ московской смуты, періодъ *междоусобицы*. Государственная власть пала, верховной боярской думы, подпавшей подъ вліяніе поляковъ, никто не слушалъ, города стали обособливаться другъ отъ друга, и все царство обратилось какъ бы въ одинъ сплошной военный лагерь, въ которомъ невозможно было опредѣлить, кто кому врагъ и кто противъ кого ратоборствуетъ. Въ это-то время среди бояръ возникла пагубная мысль искать спасенія у исконнаго своего врага—поляковъ, выбравъ на русскій престолъ королевича Владислава. Когда этотъ планъ былъ предложенъ патріарху, то онъ съ негодованіемъ отвергъ его. „Ермогенъ же начатъ плакаться предъ всѣмъ народомъ, дабы не посылали съ такимъ моленіемъ къ польскимъ людямъ, но молили бы Господа Бога, чтобы воздвигъ царя“, но „все людіе о семъ посмѣяшесѣ“²⁾. Въ этомъ „*посмѣяшесѣ*“ и заключался весь трагизмъ тогдашняго положенія; это одно слово краснорѣчивѣе всего говорило, въ какой глубокой маразмъ впалъ русскій народъ, въ какой глубокой степени притупилось въ немъ чувство національной совѣсти

¹⁾ *Новый Лѣтописецъ*, Временникъ, ч. XVII, стр. 119—120.

²⁾ *Иное сказаніе о самозванцахъ*, Времен., кн. XVI, стр. 112—113.

и сознание цѣнности православной вѣры! Этотъ безумный смѣхъ обозначалъ собою отреченіе отъ всего прошлаго, отъ своей исторіи, отъ своей самобытности, — обозначалъ полную гражданскую и духовную смерть. Вотъ откуда та великая скорбь, которую вызвало въ патріархѣ рѣшеніе бояръ, и тѣ кровавыя слезы, какими онъ оплакивалъ своихъ несчастныхъ соотечественниковъ! Не успѣвъ убѣдить этихъ „заткнувшихъ уши чувственныя и разумныя“ избрать царя изъ русскихъ, патріархъ настоялъ на томъ, чтобы они по крайней мѣрѣ оградили свою вѣру и національность отъ натиска пришельца, и вотъ было выработано до двадцати статей, которыя обязанъ былъ исполнить будущій царь ¹⁾. Ихъ повезло на просмотръ королю особое посольство, но честолюбивый Сигизмундъ не хотѣлъ видѣть на московскомъ престолѣ своего сына, и рѣшилъ овладѣть имъ самъ. Онъ склонилъ нѣкоторыхъ пословъ на свою сторону и, чтобы приготовить почву для своихъ замысловъ, отпустилъ ихъ въ Москву. Однако планы короля встрѣтили рѣшительное противодействие со стороны Гермогена. Видя, что Сигизмундъ не отпускаетъ Владислава, удерживаетъ посольство, шлетъ въ Москву приказы точно въ завоеванную страну, патріархъ сразу уразумѣлъ намѣренія короля-іезуита, понялъ, какая опасность грозитъ отечеству, и, рѣшивъ прервать всякія сношенія съ предательскимъ государемъ, сталъ искать спасенія въ нѣдрахъ самого народа. На этотъ разъ ожиданія его были ненапрасны. Собравъ въ соборную церковь населеніе столицы, Гермогенъ молилъ его не присягать Сигизмунду, чего послѣдній сталъ требовать уже открыто. „И гости и торговые и всякіе люди отказали, что имъ королю креста не цѣловати“ ²⁾. Мало того, когда патріархъ послалъ свою грамоту въ Рязань къ воеводѣ Прокопію Ляпунову и

¹⁾ С. Г. Г. и Д., ч. II, № 200, а также №№ 199, 201, 202.

²⁾ С. Г. Г. и Д. ч. II, № 224.

во всѣ украинные города и въ Низовье съ призывомъ идти спасать отъ поляковъ Москву, москвичи присоединились къ голосу Гермогена, прося о томъ же всѣхъ православныхъ христіанъ. И вотъ началась взаимная обсылка грамотами городовъ, убѣждавшими послѣдовать голосу „крѣпкаго стоятеля за православную вѣру“. Движеніе началось въ Рязани, и когда Ляпуновъ двинулся съ земскими ополченіями къ Москвѣ, тогда измѣнники-бояре потребовали отъ патріарха, чтобы онъ „отписалъ“ Ляпунову. Особенно старался одинъ изъ нихъ Михайлъ Салтыковъ, „человѣкоядный волкъ“, помыслившій „покачнуги непоколебимаго столпа“, но „твердый адамантъ не здался въ ихъ вражіе хотѣніе“. Тогда гнусный измѣнникъ „начать, аки безумный песъ на аеръ зря, лаяти и нелѣпыми словами... на лице святителю метати и великоименитое святительство безчестити и до рождѣнія его неискуснымъ и болѣзненнымъ словомъ доходити“¹⁾, „и отъ ярости вознеистовися, вземъ свой ножъ, хотя его заклати. Патріархъ же велегласно рече къ нему: не страшуся азъ ножа твоего, но силою креста Христа вооружаюся противъ твоего ножа; буди же ты отъ нашего смиренія проклятъ въ семь вѣцъ и въ будущемъ“²⁾. „И еще прирекъ: не токмо намъ онъ годѣ, но и тако отрасль его, аще не придетъ въ наше хотѣніе.—Онъ же проклятый ступи лице свое отыде со всѣмъ своимъ сонмомъ посрамленъ и изумленъ, паче же зло възъяренъ на великаго пастыря и учителя и въ правдѣ крѣпкаго стоятеля“³⁾... То, чего не могли достигнуть грубою силою, Сигизмундъ надѣялся добиться путемъ особаго вниманія къ Гермогену, отправилъ къ нему посольство „говорить о дѣлахъ всего государства московскаго“, которое привезло отъ короля грамоту⁴⁾. Но патріархъ былъ

1) *Новая повесть*, столб. 203—205.

2) *Новый летописецъ*, Времен., кн. XVП, стр. 129.

3) *Новая повесть*, столб. 205.

4) С. Г. Г. и Д., ч. II, № 247.

непоколебимъ. Между тѣмъ подступившія къ Москвѣ рати подъ начальствомъ Ляпунова никакого результата не достигши вслѣдствіе интригъ казанскихъ вождей Трубецкого и Заруцкаго; самъ Ляпуновъ извѣннически былъ убитъ казаками, и все ополченіе разстроилось. Видя это, бывшіе въ Москвѣ поляки ободрились; дерзновеннѣе стали съ патріархомъ и бояре. Полагая, что его патріотическія затѣи кончились полной неудачей, они снова стали требовать отъ него присяги Сигизмунду, устрашая его угрозами, и такъ какъ теперь защитить Гермогена было уже некому, то бояре заключили его подъ стражу и сильно стѣснили во всемъ, лишивъ даже возможности писать. „Михайло же Салтыковъ наипаче начать ему творити всякія пакости и скорбь“, замѣчаетъ лѣтописецъ ¹⁾. Однако онъ нашелъ возможность еще разъ оказать великую услугу отечеству, пославъ свою знаменитую грамоту въ Нижній Новгородъ, которой суждено было поднять такое движеніе, которое не могло остановить никакое противодѣйствіе враговъ.

Теперь положеніе дѣлъ ухудшилось еще тѣмъ обстоятельствомъ, что казаки, погубившіе земское ополченіе и продолжавшіе стоять подъ Москвой, рѣшили сдѣлать царемъ Маринкина сына. И это не было пустой затѣей, такъ какъ къ нему примкнули всѣ средніе и низшіе слои населенія. Противъ этого-то страннаго и въ то же время опаснаго претендента и направлена была грамота Гермогена. — „Въ Нижній Новгородъ благословеніе Архимандритамъ, Игуменамъ, и протопопамъ и всему святому собору, и воеводамъ, и дьякамъ, и дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ и всему міру. Отъ патріарха Ермогена Московскаго и всея Русіи миръ вамъ и прощеніе и разрѣшеніе; да писати бы вамъ изъ Нижняго въ Казань къ Митрополиту Ефрѣму, чтобы Ми-

¹⁾ *Новый лѣтоп.*, тамъ же, стр. 135.

трополить писалъ въ полки къ боярамъ учительную грамоту, да и Казанскому войску, чтобы они стояли крѣпко о вѣрѣ, и боярамъ бы говорили натамасье безстрашное, чтобы они отнюдь на царство проклятаго Маринки паньпна сына ...не благословляю; ...пишите же въ полки къ боярамъ учительную грамоту, чтобы уняли грабежъ, корчму, имѣли бы чистоту душевную и братство и промышляли бы, какъ реклись души свои положить за Пречистый домъ и за Чудотворцевъ и за вѣру, такъ бы и совершили, да и во всѣ города пишете, что отнюдь Маринки на Царство не надобеть, проклять отъ святаго собора и отъ насъ“... ¹⁾). Это было послѣднее дѣяніе великаго патріарха. Уже и раньше бояре угрожали ему „злою смертію“, на что онъ отвѣчалъ: „имѣли обѣщаете злую смерть, ея же ради надѣюся вѣнецъ получить, и отдавна сего желаю, да постражду отъ васъ правды ради“... ²⁾); теперь же, когда въ Нижнемъ Новгородѣ грамота его произвела свое дѣйствіе, „измѣнники“ потребовали отъ Гермогена написать въ Нижній, чтобы люди не собирались и не ходили цодъ Москву. Патріархъ же „рече имъ: да будетъ имъ милость отъ Бога и отъ нашего смиренія благословеніе; на васъ же измѣнникахъ да изліется отъ Бога гнѣвъ и отъ нашего смиренія будьте прокляты въ семъ вѣцѣ и въ будущемъ; и оттолѣ начаша его гладомъ томити и умре отъ глада въ лѣто 7120 году февраля въ 17 день“... ³⁾).

Таковъ былъ конецъ доблестнаго стоянія за вѣру православную и благо народное доблестнѣйшаго іерарха, какого только знаетъ исторія всѣхъ временъ и народовъ. Если кто, такъ именно патріархъ Гермогенъ выполнилъ слова евангель-

¹⁾ С. Г. Г. и Д. ч. П, № 268.

²⁾ *Новый лѣтоп.*, тамъ же, стр. 135.

³⁾ *Новый лѣтоп.*, Врем., ч. XVП, стр. 146. Ср. грамота избран. на царство царя Мих. Ѳеодоров., напеч. въ Др. Рос. Вивліое., ч. VП, стр. 153. Та же грамота перепеч. въ С. Г. Г. и Д., ч. I, № 20, столб. 609.

скія о пастырѣ добромъ, полагающемъ душу за овцы свои. Въ самомъ дѣлѣ, что имъ движитъ, что его воодушевляетъ? Честолюбіе, власть или погоня за людскою славою? Гордое сознаніе своей силы? Но ни одинъ источникъ, ни одно современное сказаніе—а ихъ сохранилось не мало—не дѣлаютъ даже и намека на что-либо подобное. Патріархъ Гермогенъ чистъ отъ всѣхъ такихъ упрековъ. Аскетъ по природѣ, подвижникъ по духу, онъ не знаетъ личныхъ привязанностей и интересовъ. Онъ чуждъ какихъ-либо эгоистическихъ стремленій и расчетовъ и это-то неизмѣримо возвышаетъ его надъ современниками, которые, преслѣдуя нерѣдко совершенно низменные цѣли, положительно не въ силахъ оторвать отъ земли своихъ взоровъ и поднять ихъ къ небу. И это нужно сказать не объ однихъ только проходимцахъ-авантюристахъ—Гришкахъ, Сидоркахъ, Ивашкахъ, о торговыхъ мужикахъ Оедькахъ Андроновыхъ, о разныхъ бездомныхъ и безымянныхъ бродягахъ, которыхъ народъ окрестилъ именемъ „воровъ“, но и о самомъ гордомъ своимъ „отечествомъ“ боярствѣ, даже о носителяхъ царской короны—о Борисахъ, Васильяхъ, Сигизмундахъ и Владиславахъ. Идеалы Гермогена свѣтлы и чисты, какъ и его совѣсть. Богъ, православіе, безграничная любовь къ родному народу суть единственные и постоянные мотивы его жизни съ тѣхъ поръ, какъ мы ее знаемъ—отъ Казани и до Москвы. Они озаряютъ его святымъ воодушевленіемъ, которое приводитъ его къ великому подвигу, подвигу древнихъ христіанскихъ мучениковъ. Но смерть за тѣ же идеи—никто не станетъ отрицать: славную смерть—приняли и другіе; исторія Смутаго времени можетъ указать не одинъ примѣръ такого геройства вплоть до Ивана Сусанина. Не въ томъ, слѣдовательно, значеніе и великость подвига Гермогена, что онъ сумѣлъ отстоять свое *личное* святое святыхъ, сумѣлъ пострадать, а въ томъ, что слав-

ная кончина, увѣнчивая такую же его дѣятельность, приво- дила къ огромной важности результатамъ для всего народа. Гермогенъ прекрасно понималъ ходъ событій Смутнаго време- ни, ясно видѣлъ паденіе государственнаго и общественнаго строя и, какъ неизбежное слѣдствіе того и другого, паденіе царства. Могъ ли онъ, великій патріотъ и ревнитель правосла- вія, равнодушно смотрѣть на крушеніе того, что называлось „Москвой“ и третьимъ Римомъ, на созданіе чего затрачено бы- ло столько вѣковъ труда, энергіи, ума и глубочайшей вѣры? Могъ ли онъ допустить даже самую мысль о гибели государства, которое на своемъ полуторатысячелѣтнемъ вѣку уничтожило столько политическихъ организацій, вобрало въ себя столь- ко народовъ и только что сокрушило дикую орду, в къ то- му же — гибель отъ такого эемернаго врага, дни котораго самого были сочтены? Такой мысли Гермогенъ не допускалъ; не таковъ онъ былъ, чтобы могъ почитать міровую роль своего народа поконченной, а Церковь, давшую безчислен- ный рядъ подвижниковъ святой мысли и жизни, настолько одряхлѣвшей, чтобы она могла пасть отъ одного прикосно- венія польскаго krzyż'a (креста). Онъ, человекъ, по созна- нію современниковъ, „велика разума и смысла и мудра ума“, зналъ, какія великія силы, моральныя и религіозныя, таилъ въ себѣ русскій народъ, видѣлъ, что эти силы усыплены, признавалъ, что ихъ нужно пробудить и направить ихъ на вѣрный путь, убѣжденъ былъ, что сдѣлать это можетъ толь- ко онъ своей „каменной“ („аки адамантъ“) волей, такой же вѣрою въ Иравду Божію и тою любовію, которая заставля- етъ жертвовать жизнию „за други своя“. И онъ, дѣйстви- тельно, пробудилъ русскій народъ. Въ рѣшительный мо- ментъ, когда темныя силы облегли горизонтъ Московскаго царства и заволокли его, къ радости враговъ, казалось, мракомъ вѣчной смерти, тогда раздался на всю землю рус- скую, точно призывъ ангела, голосъ великаго патріарха и

человѣка. И услышала этотъ ничѣмъ незаглушаемый голосъ святая Русь, и потекла она неисчислимою ратью, куда онъ призывалъ—на защиту поруганной святыни, къ оскорбленнымъ святотатственными руками гробницамъ московскихъ чудотворцевъ,—на защиту „великой соборной церкви“... ¹⁾. Могучей волной смыла она съ себя всю наносную грязь, далеко отбросила наглеца, жалкую игрушку въ рукахъ іезуитовъ, неимовѣрными страданіями искупила свои великіе грѣхи *лихолѣтя*—и снова засіялъ удвоеннымъ блескомъ крестъ надъ московскимъ Кремлемъ, снова зазвонили торжественнымъ побѣднымъ звономъ московскіе колокола, встрѣчая *русскаго* „прироженаго“ государя, царя Михаила Ѳедоровича.

Если были на Руси знаменитые люди, то патріархъ Гермогенъ между ними знаменитѣйшій; если русская земля пораждала великихъ сыновъ, то онъ среди нихъ первый, тѣ оказывали своему народу только *услуги*, а онъ *спасъ самую русскую національность и русскую православную Церковь отъ уничтоженія и гибели.*

Ѳ. М. Ильинскаго.

Въ память Патріарха Гермогена.

17 февраля, по окончаніи уроковъ въ монастырской Митрофановской двухклассной школѣ, въ половинѣ 2-го часа, для учениковъ этой школы состоялось въ братскомъ залѣ чтеніе, посвященное памяти великаго Святителя и Патріота—печальника земли русской, Патріарха Гермогена, по случаю исполнившагося трехсотлѣтія со дня его мученической кончины.

Чтеніе посѣтилъ Его Высокопреосвященство, Архіепископъ Анастасій. Было нѣсколько и постороннихъ лицъ.

¹⁾ См. грамоты Сигизмунда къ москов. бояр., С. Г. Г. и Д. ч. П, №№ 255, 241, 239 и др.

Предъ началомъ чтенія пропѣта была всѣми учениками молитва: „Царю Небесный“. Учитель школы, Я. Г. Поповъ, принявъ благословеніе Владыки, занялъ кафедру. Въ рукахъ его была брошюра, присланная изъ Училищнаго Совѣта: „Святѣйшій Всероссійскій Патріархъ Гермогенъ“. Чтеніе состояло изъ двухъ отдѣленій. Послѣ перваго отдѣленія учениками всей школы (175 уч.), подъ управленіемъ учителя П. И. Лучкина, пропѣтъ, въ два голоса, кантъ (слова и музыка г. Мирносицкаго):

„Въ годину смятенья, въ дни бурь и волненья
Ты Божіимъ стражемъ надъ Русью стоялъ;
Измѣнъ обличитель, Престола хранитель,
Во мракѣ Ты свѣточемъ вѣры сіялъ.

Въ странѣ разоренной, врагами плѣненный,
Раздался Твой властный, безтрепетный гласъ,
Ты нашу державу и русскую славу,
И вѣру во дни чужевластія спасъ.

Въ Христову ограду къ избранному стаду
Ты алчныхъ и хищныхъ волковъ не пустилъ;
Въ борьбѣ непреклонный, врагомъ непрельщенный,
За паству Ты душу свою положилъ.

За правду страдая, за Русь умирая,
Ты вѣры и вѣрности образъ намъ далъ;
Въ дни смуть и волненья, какъ свѣтъ во спасенье,
Святитель Христовъ, Ты надъ Русью сіялъ“.

По окончаніи чтенія пропѣтъ былъ второй кантъ, положенный на 4 голоса (слова г. Рѣчкуты, музыка г-жи Федотовой).

„Тебѣ, защитнику отчизны,
Отъ смуть народныхъ и измѣнъ,
Отъ духа чуждаго польщизны
Поемъ мы славу, Гермогенъ.

Одинъ предъ ликомъ всенароднымъ
На стражѣ вѣры не дремалъ,
Казаковъ вольныя станицы
И цѣпи смуть народныхъ расковалъ.

Покорены священной битвой,
Распались въ прахъ вражда и плѣнъ;
Тебѣ защитнику отчизны
Поемъ мы славу, Гермогенъ“!

Послѣ этого канта, который, благодаря хорошимъ словамъ и хорошему исполненію, произвелъ сильное впечатлѣніе даже на малышей школы, Владыка, благословивъ учащихся и учащихъ, выразилъ свое удовольствіе за хорошо устроенное литературно-вокальное утро.

Проводивъ Владыку, всѣ участвовавшіе на чтеніи оставили братскій залъ въ самомъ отличномъ настроеніи, съ чувствомъ полного удовлетворенія, какого требовалъ день 17 февраля.

С. А. К.

Звоните въ колоколъ!...

Звоните въ колоколъ, когда бушуетъ вьюга:
Здѣсь близко погибаетъ вашъ собратъ въ тоскѣ,
И благовѣсть его спасетъ, какъ голосъ друга,
Подавъ благою вѣсть, что жизнь не вдалекѣ.
Да знаете-ли вы то счастье надежды,
Что вѣвремя приноситъ благодатный звукъ
Тому, въ комъ гаснетъ жизнь, уже сомкнулись вѣжды,
Не чувствуется ногъ, не чувствуется рукъ!
Вы силы чловѣка сразу оживили;
Въ немъ снова бьется сердце, чувствуется кровь;
И подлинный мертвецъ, побывшій ужъ въ могилѣ,

Опять вступаетъ въ жизнь, какъ юноша въ любовь.
И вся то наша жизнь—огромнѣйшее поле;
Бушуетъ въ ней метель, заноситъ вѣрный слѣдъ,
Такъ жутко человѣку станетъ поневолю;
Читаешь на лицѣ, что въ немъ „надежды нѣтъ“.
Протягивайте чаще дружескую руку;
Какая въ ней нужда великая вокругъ!
Вѣдь легче перенести сей жизни горе, муку,
Когда васъ понимаетъ вашъ собратъ, какъ другъ.

Крестьянинъ *Николай Сидоровъ*.

Поводомъ для этого стихотворенія послужило слѣдующее обстоятельство. Въ с. Горшечномъ, отстоящемъ въ 25 верстахъ отъ г. Нижнедѣвица, учителемъ земской школы и регентомъ церковнаго хора состоитъ мой хорошій знакомый Иванъ Павловичъ Мазкинъ. Онъ нѣсколько разъ приглашалъ меня, какъ любителя пѣнія, пріѣхать къ нему, послушать его хоръ.

Воспользовавшись свободнымъ отъ служебныхъ занятій временемъ, я, наканунѣ Рождества, т. е. 24 декабря прошлаго 1911 года, отправился въ 2 часа пополудни изъ Нижнедѣвица въ с. Горшечное. До Ясенковъ мы доѣхали благополучно; здѣсь я перемѣнилъ почтовыхъ лошадей и въ 4 часа по полудни, при начавшейся небольшой метели, отправился далѣе.

До Горшечнаго оставалось еще 15 верстъ всего на два часа ѣзды. Но случилось такъ, что мнѣ въ пути пришлось пробыть ровно 12 часовъ.

Какъ только мы отѣхали отъ Ясенковъ версты двѣ, началась страшная вьюга, вѣтеръ завылъ, дороги занесло снѣгомъ, мы сбились съ пути, долго блуждали безцѣльно;

кровь застывала и мы съ ямщикомъ уже теряли надежду достигнуть цѣли своего путешествія.

На всемъ пути не пришлось встрѣтить ни одного живого существа. Чтобы спастись отъ страшнаго вѣтра, пронизывающаго насквозь, мы спустились въ случайно попавшую намъ лошину, дали корму лошадямъ, одѣли ихъ попонами и уже расположились ночевать на большомъ морозѣ подъ открытымъ небомъ въ ожиданіи утренняго разсвѣта. Долго мы сидѣли въ безнадежномъ состояніи. Страшно было подумать, что, можетъ быть, близко смерть... Время такъ долго тянулось, что показалось вѣчностью. Мною уже стало овладѣвать какое-то безразличное состояніе, какая-то апатія и въ другъ, о, радость! Слышимъ звонъ колокола, совсемъ близко. Пробыло три часа. Съ какимъ искреннимъ чувствомъ я и мой ямщикъ перекрестились! Немного погодя, мы, окрыленные надеждой скоро попасть въ тепло, выбрались изъ лошины, тутъ-же рядомъ оказалась твердая дорога, лошади, почуявъ вѣрный путь, быстро понесли насъ, и мы очень скоро и благополучно доѣхали до с. Горшечнаго. Оказалось, что мы находились не больше какъ въ 2-хъ верстахъ отъ Горшечнаго. Звукъ колокола мнѣ всегда доставляетъ радостное чувство, но особенно я оцѣнилъ его въ ночь подъ Рождество Христово, 24 декабря 1911 г.

Крестьянинъ *Николай Сидоровъ*.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1912 г.

на ежемѣсячный литературный журналъ

„ТРЕЗВАЯ ЖИЗНЬ“

одобренный Учебнымъ Комитетомъ Св. Синода для ученическихъ и фундам. библ. духовно-учебныхъ зав. за 1905, 6, 7 и 8 гг.

Нашъ журналъ, освѣщая вопросы трезвеннаго движенія и пролагая пути въ область все новыхъ и новыхъ средствъ борьбы съ смертоноснымъ недугомъ пьянства, является однимъ изъ самыхъ дешевыхъ литературныхъ ежемѣсячниковъ, преслѣдующихъ просвѣтительныя цѣли.

Освѣдомляя о постановкѣ и ходѣ трезвеннаго дѣла на Руси, журналъ въ тоже время постарается дать рядъ простыхъ, но художественныхъ рассказовъ и вообще статей, приспособленныхъ къ запросамъ народной аудиторіи.

Въ 1912 году журналъ дастъ рядъ живыхъ очерковъ съ цѣнными практическими указаніями по организаціи трезвенной работы въ приходѣ, а также будетъ предложенъ рядъ руководящихъ методическихъ замѣтокъ для преподавателей и народныхъ учителей по вопросу о введеніи уроковъ трезвости въ школьную программу.

Кромѣ 12 книжекъ, каждая изъ которыхъ до 8 листовъ, въ качествѣ бесплатнаго приложенія журналъ дастъ:

Указатель всей русской противо-алкогольной литературы, вышедшей изъ печати въ 1911-мъ году.

Съ 1-й кн. журнала начнется печатаніемъ

Списокъ всѣхъ существующихъ въ Россіи Обществъ трезвости

Цѣна два рубля въ годъ.

За границу 3 рубъ За перемѣну адреса 30 к.

Адресъ редакціи и конторы: С.-Петербургъ, Обводный кан., 116

Редакторъ Прот. П. Миртовъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА
ежедневную, политическую, общественную, литературную и
экономическую газету

„СВѢТЪ“

ВЪ 1912 Г.

31-й годъ изданія.

«Православіе»! «Народность»! «Самодержавіе» и Государственная Дума при самомъ широкомъ, безсловномъ самоуправленіи приходоу, общинъ, городовъ и уѣздовъ.

„СВѢТЪ“ — народная, правая и прогрессивная газета.

Въ 1912 году „СВѢТЪ“ будетъ издаваться въ значительномъ размѣрѣ, при чемъ къ прежнимъ отдѣламъ своей программы прибавляетъ три новыхъ: 1) Сельско-хозяйственный отдѣлъ и еженедѣльный сельско-хозяйственный фельетонъ. 2) Почтовый ящикъ, гдѣ на запросы подписчиковъ будутъ безплатно даваться юридическіе и агрономическіе совѣты. Въ этомъ отдѣлѣ примутъ участіе извѣстные юристы и агрономы. 3) Справочныя цѣны всѣхъ продуктовъ сельскаго хозяйства.

Интересы провинціи особенно дороги «Свѣту».

Подписная цѣна на «Свѣтъ» съ пересылкою и доставкою:

НА ГОДЪ	НА ПОЛГОДА	НА 3 МѢС.
Съ 1 января по 31 декабря. 4 р.	Съ 1 января или 1 іюля 2 р.	Съ 1 янв., 1 апрѣля 1 іюля или 1 октябрия 1 р.

Г.г. подписчики, которые будутъ подписываться на газету „Свѣтъ“ и „Сборникъ романовъ“ и посылать деньги съ однимъ переводомъ, благоволятъ высылать:

НА ГОДЪ	НА ПОЛГОДА	НА 3 МѢС.
Съ 1 янв. по 31 дек. газета и 12 книгъ романовъ. 8 р.	Съ 1 января или 1 іюля газета и 6 книгъ романовъ 4 р.	Съ 1 янв., 1 апр., 1 іюля или 1 окт. газ. и 3 книги романовъ. 2 р.

Письма и деньги адресовать: С.-Петербургъ редація «Свѣтъ», Невскій, 136.

КЪ ЮБИЛЕЙНОМУ 1912 ГОДУ

ВЫШЛИ ИЗЪ ПЕЧАТИ

два старинныхъ патріотическихъ канта времянъ Оте-
чественной войны: ¹⁾

1. Къ ружью, друзья, спѣшите. Ц.—парт. 30 к.
2. Ты помнишь-ли.. . . . Ц.—парт. 30 к.

I.

Къ ружью, друзья, спѣшите.
Ударъ въ рукахъ несите.
Россійскіе сыны—
Къ побѣдамъ рождены.

Отечество прославимъ.
Царю вѣнокъ сплетѣмъ.
Враговъ дрожать заставимъ
Къ Парижу потечемъ...

Кутузовъ! Мы съ тобою,
Полночный зри народъ,
И тѣломъ и душою
Съ тобой идемъ впередъ... Ура!

II.

Ты помнишь-ли, какъ славно пировали
Въ годину злую Русаки,
Когда Французовъ поражали
Морозъ и русскіе штыки.

Дрались за Рейномъ всё вѣдь мы же,
Европу мы же всю спасли!
Орелъ двухглавый былъ въ Парижѣ,
Парижъ былъ нашъ, ты помнишь ли?

(Для трехголосныхъ мужскихъ, женскихъ или дѣтскихъ хоровъ).

Издание и редакція Н. Никитина.

Продаются во всѣхъ музыкальныхъ магазинахъ.

Выписывающіе отъ регента Архіерейскаго хора Н. И. Никитина
пересылка бесплатно.

Муз. сочин. Н. Никитина.

- Объятія Отца — для 3 гол мужск. хора Ц. 50 к.
Кантъ въ честь Св. Тихона Задонскаго--для смѣшнаго хора. Ц. 40 „
Двѣ елочныхъ пѣсни—для дѣтскаго хора. Ц. 35 к.

Продаются тамъ-же.

¹⁾ Эти два канта отысканы Н. И. Никитинымъ въ старыхъ нотахъ его
отца, священника села Ерохина, Бобровскаго уѣзда Іоанна Никитина.

И. М. ВОЛЬФЪ

ЗУБНОЙ ВРАЧЪ

лечение, пломбирование зубовъ золотомъ, фарфоромъ и т. п.

Искусственные зубы по новѣйшему способу, удаленіе зубовъ
безъ боли.

Б.-Дворянская, д. Русакова противъ Дворянской части.

Приемъ отъ 9 до 7 часовъ вечера.

Духовнымъ скидка.

(47—52)

СОДЕРЖАНІЕ

НЕОФИЦИАЛЬНОЙ ЧАСТИ:

Слово въ день исполнившагося трехсотлѣтія мученической кончины
Святѣйшаго Всероссійскаго Патріарха Гермогена.—Священ-
ника *Александра Кременецкаго*.

Слово на 19 февраля.—Богоявленской г. Воронежа церкви свя-
щенника *Евг. Дольскаго*.

Святѣйшій патріархъ Гермогенъ и служеніе его церкви и отече-
ству въ смутное время (1612—1912 г.).—*Θ. М. Ильинскаго*.

Въ память Патріарха Гермогена.—*С. А. К.*

Звоните въ колоколь!...—Крестьянина *Николая Сидорова*.

Объявленія.

При семъ № разсылается объявленіе отъ магазиновъ Т-ва ОБУВЬ.

Редакторъ, Ректоръ Семинаріи Прот. *Николай Околовичъ*.

Печатать дозволяется. 26 февраля 1912 г. И. д. Цензора Прот. Г. Алферовъ.

Воронежъ. Типо-Лит. «Т-ва Н. Кравцовъ и К^о», Б. Дворянская ул., д. Сомова.